

ИРВИН ШОУ

ЛЮСИ КРАУН

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш81

Серия «Эксклюзивная классика»

Irwin Shaw
LUCY CROWN

Перевод с английского *А. Герасимова*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

Шоу, Ирвин.

Ш81 Люси Краун : [роман] / Ирвин Шоу ; [пер. с англ. А. Е. Герасимова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-108203-1

Брак Оливера и Люси Краун был образцом для подражания, предметом зависти соседей и друзей. Оливер — успешный богатый бизнесмен, Люси — красивая покорная жена, нежно любящая мать, ради семьи оставившая работу. Однако для того, чтобы понять, что их счастливый брак всего лишь иллюзия, потребовалось пятнадцать лет — и всего одно роковое лето.

Оливер решает на все лето нанять гувернера для сына Тони, чтобы помочь мальчику оправиться от недавно перенесенной тяжелой болезни. За эту работу берется двадцатилетний студент по имени Джеф — и вместе с ним в жизнь Люси врывается неожиданная любовь.

И что это — безумная вспышка страсти, которая сгорает, не оставив следа? Неосознанный бунт женщины, подавленной самодовольной властью мужа? Или трагедия непонимания и обиды, которой стала эта связь для случайно узнавшего о ней Тони?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-108203-1

© Irwin Shaw, 1956
© Перевод. А. Е. Герасимов, 2018
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

Посвящается Саксу Камминсу

Глава первая

В то время во многих барах и ночных клубах города звучала песня: «Я люблю Париж весенний, я люблю Париж осенний...» Это было в июле, в два часа ночи, когда бутылка шампанского подавалась за восемь тысяч франков, и певцы изо всех сил старались убедить туристов в том, что Париж стоит этих денег.

Негр с широким лицом гарлемского трудяги пел, сидя у желтоватого пианино в глубине длинной узкой комнаты. В дверях бара появилась женщина. Громкая музыка и нескромные взгляды сидящих у стойки заставили ее остановиться в нерешительности у входа. Хозяин бара, угадав в превосходно одетой и трезвой посетительнице американку, улыбаясь, вышел ей навстречу.

— Добрый вечер, — произнес он.

Хозяин говорил по-английски — бар его находился в восьмом районе, и американцы составляли значительную часть его клиентуры, особенно летом.

— Мадам одна?

— Да, — ответила женщина.

— Сядете у стойки или за столиком?

Женщина быстро оглядела стойку. Там расположились четверо мужчин разных возрастов — двое из них

беззастенчиво разглядывали посетительницу — и девушка с длинными золотистыми волосами, которая говорила соседу: «Чарли, дорогой, повторяю четвертый раз — сегодня я уйду с Джорджем».

— За столиком, если можно, — сказала женщина.

Хозяин повел ее в центр комнаты, на ходу оценивая посетительницу наметанным глазом. Он решил усадить ее рядом с тремя другими американцами, двумя мужчинами и женщиной, немного шумными, но приличными людьми, которые все время заказывали пианисту «Леди из Сент-Луиса». Поскольку женщина пришла одна, а время было позднее и американцы не владели французским, у них вполне могло возникнуть желание угостить даму.

«Готов поспорить, в молодости она была недурна, — подумал хозяин. — И сейчас очень хороша. Натуральная блондинка с крупными нежными серыми глазами. Почти без морщинок. Умеет одеваться и преподносить себя. Длинные ноги. Обручальное кольцо, но пришла одна. Видно, муж пал жертвой *tourisme** и переедания и свалился в гостинице, а жена полна энергии и жаждет подлинного Парижа, а может быть, и пикантного приключения, на которое она уже не может рассчитывать у себя дома, на американском Среднем Западе».

Хозяин подвинул столик для гостыи, с одобрением рассматривая прямые плечи, крепкую шею и грудь, элегантное, хорошо сшитое черное платье, приятную, почти девичью благодарную улыбку, с которой садилась женщина. Он пересмотрел свою первую оценку. На вид

* Здесь: осмотр достопримечательностей (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

не старше сорока трех — сорока четырех, решил он. Возможно, приехала без мужа. Деловая женщина — таких немало среди американок.

Вся жизнь в разъездах, перелетах, интервью, и при этом в любых обстоятельствах всегда причесана волосок к волоску.

— Полбутылки шампанского, мадам? — спросил хозяин.

— Нет, благодарю.

Хозяину понравился тембр ее голоса. У него был тонкий слух, и часто американская и английская речь резала ему ухо. Голос женщины звучал негромко, мелодично и естественно.

— Пожалуйста, бутерброд с ветчиной и бутылку пива.

Хозяин поднял брови, изобразив на лице удивление, даже некоторое недовольство.

— Понимаете, мадам, у нас установлена минимальная плата за заказ, которая включает в себя стоимость нескольких напитков, поэтому я предложил бы...

— Нет, спасибо, — решительно отказалась женщина. — В гостинице мне сказали, что у вас можно перекусить.

— Конечно, конечно. У нас есть specialite* — луковый суп с гренками, приготовленный...

— Спасибо, мне один бутерброд.

Хозяин пожал плечами, слегка поклонился, отдал заказ официанту и вернулся на свое место за стойкой. «Неужели она пришла сюда в такой час ради бутерброда с ветчиной?» — подумал он.

В промежутках между приемом новых посетителей и проводами уходящих он посматривал на нее. Одинокие

* фирменное блюдо (фр.).

женщины появлялись в его баре в два часа ночи не первый раз, и почти всегда он знал, что им надо. Это были алкоголички, у которых уже не осталось денег на выпивку, необузданные молодые американки, хватающие от жизни все, что попадется под руку, — до тех пор пока папа не отберет у них чековую книжку и не посадит на корабль; попадались среди них разведенные, живущие на алименты женщины, которые ежеминутно ощущали приближение старости, — эти страшились возвращаться вечером одни в свои гостиничные номера из-за боязни самоубийства. Ночной клуб, конечно, должен бурлить разгульной жизнью, и хозяин делал все, что мог, для поддержания видимости, но он-то знал цену этому веселью.

Женщина неторопливо жевала бутерброд, запивая пивом; она, конечно, не походила ни на буйную молодую американку, ни на алкоголичку и, судя по одежде, отнюдь не перебивалась алиментами. Если она и была одинока, то не показывала это. Хозяин увидел, что американцы повернулись и, как он и предполагал, заговорили с ней; они старались перекричать музыку, но она вежливо улыбнулась и покачала головой, отказываясь от какого-то их предложения, и они оставили ее в покое.

Ночь тянулась медленно, и у хозяина было время размышлять об этой женщине. Она слушала пение, откинувшись в кресле, а он, изучая ее сквозь завесу сигаретного дыма, вспоминал двух женщин, которые, как он понимал с самого начала, были для него слишком хороши. Женщины тоже знали это, и поэтому хозяин думал о них с романтической грустью и посылал последней из них, вышедшей замуж за полковника французских ВВС, цветы ко дню рождения. «У нее редкое сочетание мягко-

сти и уверенности в себе, — подумал хозяин. — Почему она не зашла сюда десять лет назад?»

Затем ему пришлось выйти на кухню. Проходя мимо столика американки, хозяин улыбнулся ей; она ответила ему, и он обратил внимание на белизну ее слегка неровных зубов и свежесть кожи. В дверях кухни он удивленно покачал головой, подумав: «И как такую женщину занесло в мою дыру?»

Он решил на обратном пути остановиться у ее столика, угостить и попытаться выяснить это.

Вернувшись с кухни, он увидел, что двое американцев перебрались из угла комнаты к ее столу; они оживленно разговаривали, женщина улыбалась то одному, то другому. Иногда, обращаясь к более симпатичному юноше, она касалась пальцами его руки.

Хозяин прошел мимо. «С ней все ясно, — подумал он. — Любит молодых». Ему показалось, будто его предали, осквернив воспоминания о двух женщинах, которые были слишком хороши для него.

Вернувшись за стойку, он старался больше не смотреть на женщину. Студенты, сделал вывод он. И один к тому же в очках. Всех коротко остриженных американцев моложе тридцати пяти хозяин считал студентами, но эти — долговязые, тощие, с руками и ногами вдвое большими, чем у любого француза, казались самыми истинными, неподдельными представителями. «Мягкая и уверенная в себе, — подумал он, обманутый первым впечатлением. — Черта с два!»

На полчаса хозяин отвлекся от своих мыслей, встречая и провожая многочисленных посетителей. Затем наступила небольшая передышка, и он снова посмотрел на женщину. Она по-прежнему сидела с молодежью,

парни болтали, не умолкая, но американка уже не слушала их. Подавшись вперед, она внимательно смотрела в направлении стойки.

Сначала хозяину показалось, что она наблюдает за ним, и он чуть улыбнулся — вежливый знак симпатии. Не увидев ответа на лице женщины, он понял, что она смотрит не на него, а на человека, сидящего за стойкой.

Хозяин бросил взгляд на мужчину и подумал с легкой горечью: «Ну конечно». Это был американец по фамилии Краун — молодой человек лет тридцати, с тронутыми сединой волосами, высокий, но не чрезмерно, как те двое. В его больших серых глазах с густыми черными ресницами застыла настороженность, а пухлые, причудливо изогнутые губы выдавали досадное безволие их обладателя, источник многих бед. Хозяин знал его, как и сотню других людей, которые заходили в бар несколько раз в неделю. Хозяин помнил, что Краун живет неподалеку, что в Париже он уже давно, и заходит выпить обычно поздней ночью, один. Пил он мало, не больше двух рюмок виски, хорошо говорил по-французски; женщины постоянно засматривались на него, но это не вызывало у Крауна излишнего самодовольства.

Хозяин подошел к Крауну и поздоровался с ним за руку, обратив внимание на его загар.

— Добрый вечер, — сказал он. — Давненько вас не видел. Где пропадали?

— В Испании, — ответил Краун. — Я вернулся три дня назад.

— А, вот откуда такой загар, — сказал хозяин и огорченно коснулся своей щеки. — А я совсем зеленый.

— Самый подходящий цвет для ночного клуба. Не расстраивайтесь, — серьезно сказал Краун. — Клиенты

чувствовали бы себя здесь неуютно, если бы на ваших щеках горел румянец. Они заподозрили бы что-то неладное.

Хозяин рассмеялся.

— Может, вы и правы. Позвольте вас угостить, — сказал он и махнул рукой бармену.

— В этом заведении действительно есть что-то подозрительное, — сказал Краун. — Смотрите, как бы кто-нибудь не донес в полицию, что вы угощаете американца.

Да, сегодня он уже изрядно принял, подумал хозяин и сделал бармену знак глазами, чтобы тот приготовил что-нибудь послабее.

— Вы ездили в Испанию по делам? — спросил хозяин.

— Нет, — ответил Краун.

— За удовольствиями?

— Нет.

Хозяин заговорщически улыбнулся.

— Женщина...

Краун усмехнулся.

— Люблю беседовать с вами, Жан, — сказал он. — Как это мудро — отделить женщину от удовольствий. — Он покачал головой. — Нет, женщина тут ни при чем. Я ездил туда потому, что не знаю испанского. Хотелось немного подзарядиться, а нигде так не зарядишься, как там, где ты не понимаешь никого и никто не понимает тебя.

— Многие туда ездят, — согласился хозяин. — Сейчас Испания всем нравится.

— Конечно, — сказал Краун, потягивая напиток. — Бедная, плохо управляемая страна с малочисленным населением. Как ее не любить?

— Вы шутник, мистер Краун.

Краун серьезно кивнул головой.

— Да уж, — сказал он, опустошил бокал и положил пятитысячефранковую купюру за выпитое им до того, как хозяин подошел к нему. — Если у меня когда-нибудь будет бар, приходите, Жан, я тоже угощу вас.

Пока американец ждал сдачу, хозяин оглядел комнату и увидел, что женщина, сидящая со студентами, пристально смотрит на Крауна.

«Этот не про вашу честь, — злорадно подумал хозяин. — Держитесь своих студентов».

Он проводил Крауна до двери и вышел на улицу глотнуть свежего воздуха. Краун постоял минуту, разглядывая здания, темнеющие на фоне звездного неба.

— Когда я учился в колледже, — сказал он, — я думал, что Париж — город радости.

Он повернулся к хозяину и пожал ему руку на прощание.

Вдыхая прохладный воздух, хозяин смотрел вслед медленно удаляющемуся по безлюдной улице Крауну. Американец, взрывая безмолвие спящего города гулким постукиванием своих каблуков, казался хозяину грустным, терзаемым сомнениями человеком. Странное сейчас время, подумал хозяин, глядя вслед уменьшающейся фигуре, попавшей в отсвет уличного фонаря. Плохое время для одинокого человека. Интересно, как бы выглядел сейчас Краун на улице в Америке.

Хозяин вернулся в бар и недовольно нахмурился, ощутив густоту табачного дыма. Пройдя за стойку, он увидел, что женщина встала и стремительно направилась к нему, оставив студентов в растерянности и недоумении.

— Не могли бы вы помочь мне? — сказала она.

Ее голос звучал напряженно, он словно неохотно подчинялся ей, лицо казалось безжизненным и возбужденным одновременно — ночь оставила на нем свою печать.

«Я ошибся, — решил хозяин, вежливо улыбаясь. — Ей уже порядком за сорок пять».

— К вашим услугам, мадам.

— Тот человек, что стоял здесь, — сказала женщина. — Вы с ним вышли...

— Да?

Хозяин посмотрел на нее настороженно, выжидательно; Господи, в ее-то возрасте, подумал он.

— Не знаете, как его зовут?

— Хм... дайте вспомнить.

Желая помучить ее, хозяин сделал вид, будто вспоминает, возмущенный этим явным и непристойным преследованием, оскорбляющим память тех двух его женщин.

— Кажется, знаю, — сказал он. — Краун. Тони Краун.

Его собеседница закрыла глаза и схватилась за стойку, словно боялась упасть. Пораженный хозяин увидел, как через мгновение она открыла глаза и легким нетерпеливым движением оттолкнулась от бара.

— Вам известно, где он живет? — спросила женщина.

Ее голос звучал теперь спокойно, и хозяин с удивлением почувствовал: если он скажет — нет, женщина испытает облегчение.

Он пожал плечами и дал адрес. Учить людей правилам хорошего тона не входит в его обязанности. Он содержит бар и, значит, должен заботиться о том, чтобы клиенты оставались довольны. Если для этого нужно

сообщить стареющей женщине адрес молодого человека — что ж, это их дело.

— Вот, — сказал он, — я вам запишу.

Он набросал адрес на листке и вырвал его из блокнота. Она взяла бумажку, и он заметил по вибрации листка, что руки у нее дрожат.

И тут он не смог удержаться, чтобы не сказать гадость:

— Разрешите дать вам совет, мадам, — прежде позвоните. А еще лучше, напишите. Мистер Краун женат. На очаровательной особе.

Женщина посмотрела на него так, словно не поверила своим ушам. Затем она рассмеялась — легко, непринужденно, музыкально:

— Глупый вы человек. Это мой сын.

Она сложила листок, внимательно посмотрев на него, и спрятала в сумочку.

— Спасибо, — сказала она. — Всего хорошего. Счет я уже оплатила.

Он поклонился и проводил ее взглядом, чувствуя себя болваном.

Американцы, подумал он, самые загадочные люди на земле.

Глава вторая

Заглядывая в прошлое, мы отыскиваем тот поворотный момент, когда русло нашей жизни повернуло в сторону, момент начала необратимого движения в новом направлении. Перемена может быть следствием целенаправленных действий или случайной; мы оставляем за спиной счастье или горе, устремляемся к новому счастью или же к еще большему горю, но пути назад

нет. Это может быть миг, когда вы чуть-чуть повернули руль автомобиля, переглянулись с кем-то, произнесли фразу; это может быть длинный день, неделя или сезон мучительных сомнений, когда руль многократно поворачивается из стороны в сторону, и незначительные в отдельности события накладываются одно на другое.

Для Люси Краун это было лето.

Оно начиналось, как любое другое.

По округе разносился стук молотков — дачники затягивали окна сетками от насекомых, и на воду для удобства первых купальщиков спускались плоты. В спортивном лагере, разбитом на берегу озера, пропальывали бейсбольную площадку, каноэ размещались на стойках, а на флагштоке перед столовой водружали новый позолоченный мяч. Владельцы двух гостиниц в мае заново покрасили здания — шел 1937 год, и даже в Вермонте казалось, что Великая депрессия осталась позади.

В конце июня, когда Крауны — Оливер, Люси и Тони, которому в то лето исполнилось тринадцать лет, — выехали на дачу, арендуемую второй год подряд, они сразу погрузились в радостную атмосферу предпраздничного ожидания, царившую на озере. Радость обостряло и то обстоятельство, что Тони наконец-то выздоровел после тяжелой болезни.

Оливер располагал до возвращения в Хартфорд только парой недель, и он посвящал большую часть времени Тони — рыбачил с ним, плавал, гулял по лесу; он пытался, как можно деликатнее, дать сыну возможность почувствовать себя здоровым тринадцатилетним подростком, не превышая уровень нагрузок, установленный для Тони семейным врачом Сэмом Паттерсоном.